

УДК 811.161.1`373.43

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ АВТОРА

И. В. Гладилина, Е. Г. Усовик

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Статья посвящена проблемам идеографического описания лексико-семантической системы языка на основе анализа состава и функционирования окказионализмов как концептуальной доминанты речевого произведения – в данном случае классического текста М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» и постмодернистского романа Т.Н. Толстой «Кысь».

Ключевые слова: идеография, концептосфера, художественный текст, лексико-семантическая группа, окказионализм.

Окказионализмы являются одной из центральных единиц идеографического представления лексико-семантической системы носителя/носителей языка, т.к. они фиксируют основные понятийные зоны концептосферы. Анализ окказиональной лексики способствует детализации при составлении синоптической схемы словаря и наиболее полному описанию ее фрагментов.

Принимая во внимание коммуникативную детерминанту возникновения данных образований, мы можем говорить, что они позволяют на основе идеографической фиксации доминантных концептов отдельных носителей предельно точно реконструировать тезаурус национального языка, показывая устойчивость ядерной части концептосферы и потенциал изменений, связанных с хронологической, социальной, политической составляющей.

Для реализации обозначенного подхода наиболее релевантным является материал классической и современной русской литературы, которая фиксирует идеологические интенции русского общества на разных этапах его развития и эстетические парадигмы отечественной литературы. Для анализа нами были выбраны произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» и Т. Н. Толстой «Кысь», в которых отмечается пересечение компонентов идейных систем авторов, творчество которых разделено временным отрезком более чем в 100 лет. Последнее обстоятельство позволяет нам правомерно задать вопрос: изменилось ли сознание, менталитет русского человека/общества за этот период и, соответственно, изменилась ли языковая модель мира.

Вышедший в 2000 году роман Т. Н. Толстой «Кысь» был очень неоднозначно оценен критикой. «Ряд критиков обвиняет Т. Толстую чуть ли не в плагиате и бесконечном заимствовании из русской и зарубежной классики, другие – в неактуальности романа-антиутопии; третьи – в неоригинальности» [1, с. 31].

Рассматривая особенности литературы постмодернизма, доказывающей невозможность новизны, мы считаем роман Т. Толстой «ярко «филологическим», полным реминисценций и аллюзий, где клише и блоки нашего школьного литературного образования, как мозаика, рисуют гротесковое до уродства панно будущего, а, может, и нынешнего общежития» [4, с. 37]. Наиболее ярко это высвечивается при компаративном исследовании окказиональной лексики выбранного произведения и романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» – «клише нашего школьного литературного образования».

Окказиональная лексика в романах «История одного города» и «Кысь» формирует несколько лексико-семантических групп, эксплицирующих аналогии двух романов.

1. Характеристика состояния человека в обществе и окружающем его мире

В приведенных группах лексемы отличаются способом образования. У М. Е. Салтыкова-Щедрина окказионализмы образованы способом сложения по продуктивной языковой модели. В романе «Кысь» это семантические окказионализмы (*болезнь, свобода*), фонетический (*кысь*), образованные по продуктивной модели от глагола (*кажимость*) и от существительных, обозначающих состояние (*беспокой*).

Окказионализм *кысь* вынесен в заглавие романа, его сильную позицию. Само существо, *кысь*, – это то страшное и неведомое, о чём мы не знаем и не хотим знать, о чём можно только догадываться, чувствовать, предчувствовать, но не видеть: увидеть её нельзя: «Сидит она на тёмных ветвях и кричит так жалко и жалобно: Кы-ысь! Кы-ысь! – а видеть её никто не может [3, с. 7].

Последнее появление её в романе представлено в виде бессознательного желания переродившегося Бенедикта вытеснить из себя *кысь*, персонифицировать в образе надоевшего, дурно пахнущего теста: «Вы вообще... вы... вы...вы – *кысь*, вот вы кто!!! – крикнул Бенедикт, сам пугаясь: вылетит слово и не поймаешь; испугался, но крикнул: – *Кысь! Кысь!* – Я-то?.. Я?.. засмеялся тесть и вдруг разжал пальцы и отступил. – Обозначка вышла... *Кысь-то – ты*» [3, с. 365].

Кысь так и остаётся найденной в романе, остаётся его главным вопросом, проблемой. Но Т. Толстая даёт подсказку, задавая множество других вопросов: «А чем же ты говоришь, чем плачешь, какими словами боишься, какими кричишь во сне ... Вот же оно, слово. – не узнал? – вот же оно корячится в тебе, рвётся вон! ...; так, верно, и Пушкин твой корячился али кукушкин... Что, что в имени тебе моём? Зачем кружится ветер в овраге? Чего, ну чего тебе надобно, старче? Что ты жадно глядишь на дорогу? Что тревожишь ты меня?..» [3, с. 362] Составляя монолог из преобразованных цитат, Т. Толстая отсылает нас за комментариями к различным авторам русской литературы, объясняя тем самым, что существуют вечные вопросы, на которые нет чётких ответов и на которые каждый отвечает сам, опираясь на уже существующее наследие памяти и текстов. Толстая использует окказионализм *кысь*, чтобы обозначить проблему русской души, которую понять невозможно.

Остальные же абстрактные новообразования конкретизируют данную проблему, делают её весомой и осязаемой: «...*Болезнь* (здесь и далее выделено нами – И. Г., Е. У.) – в головах, *болезнь* – невежество людское, дурь, своеволие, темнота...» [3, с. 332].

Используя уже известный языковой комплекс, Т. Толстая наполняет его каким-то своим неясным содержанием, о котором мы можем только догадываться. Для жителей города *Болезнь*, как и *Кысь*, это нечто страшное, малопонятное, то, чего нужно бояться и остерегаться. Это вечная проблема невежества русского народа, его глупости, покорности.

Семантически с ним связан и другой окказионализм: «*Свобода*... вроде собраний? ... Значит, чтоб когда соберутся, чтоб свободно было. А то набьётся дюжина в одну горницу, накурят, а потом голова болит, и работники с них плохие. Пиши: больше троих не собираться» [3, с. 356]. Данный семантический окказионализм – пример создания «несообразной» коннотации: вместо разрешения – запрет, что переводит высказывание в ироничный план.

Подобный прием характерен и для прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина. Чаще всего авторские новообразования выступают как средство создания характерного для сатирической литературы эффекта «обманутого ожидания», когда развитие речи идёт вразрез с тем его продолжением, которое прогнозируется читателем: «Едва простыл след рассыльного, увезшего самозванца, едва узнали глуповцы, что они остались без градоначальника, как, движимые силою *начальстволубия*, немедленно впали в анархию» [2, с. 262].

В словарях значения слов с основой на -любие описываются как любовь к чему-то. Любовь предполагает лучшее проявление человеческих качеств. Но анализируемое слово в контексте «Истории одного города» приобретает значение, противоположное тому, которое имеет лексикографическую фиксацию – негативный тип поведения: так же, как *градоначальничествование*, *начальстволубие* приводит, например, к анархии и т. д. В окказиональной лексике Щедрина проявляется негативное, даже негодующее отношение автора к существующей действительности.

Т. Толстая же в своём романе лишь намекает на существующие проблемы в современном обществе. Используя отглагольные окказиональные существительные *кажимость*, *беспокой*, которые характеризуют состояние человека в созданном ею мире-тексте, считающееся нормой восприятия действительности для её героев, Т. Толстая нагнетает атмосферу призрачности реальности, тем самым недвусмысленно отсылая нас к ярому противнику «обесчеловеченного человека», противнику призрака государства – М. Е. Салтыкову-Щедрину. В «Истории одного города» он писал: «Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица... Никакая сила в мире не заставит нас выйти из того круга идей, на котором построена вся наша история, который ещё теперь составляет всю поэзию нашего существования, который признаёт лишь право дарованное и отменяет всякую мысль о праве естественном...; какие бы перемены ни произошли в общественной жизни, народ по привычке встретит именем батюшки своих новых владык, ибо ему снова понадобятся владыки, всякий другой порядок он с презрением или гневом отвергнет» [2, с. 204].

Вот основные идеи романов. Ведь Т. Толстая не задаётся целью объяснить ситуацию, так как она мало в чём изменилась. Ей лишь остаётся в очередной раз указать, к кому обратиться, чтоб попытаться получить ответ на вечные вопросы.

II. *Номинация человека.* В данную лексико-семантическую группу входят различные наименования людей по роду занятий, по социальному статусу, а также яркие оценочные наименования жителей, характеризующие межличностные отношения.

Данная лексико-семантическая группа по своим функциям сходна в обоих романах: выражение отношения к народу, к его статусу в существующем и существовавшем государстве. Придумывая названия новых должностей и социальных характеристик, и М. Е. Салтыков-Щедрин, и Т. Толстая лишь нагнетают атмосферу существующего на протяжении всей истории народного рабства, при котором обывателей (голубчиков) всегда секли и они всегда трепетали. Результат же истории на разных ее этапах – «только большая или меньшая порция убиенных» [2, с. 349].

«Исторические времена» Глупова начинаются со слов «Запорю!», им предшествуют долгие добровольные поиски и приглашение князя. История же Федор-Кузьмичска начинается со ВЗРЫВА, после чего преобразуется все вокруг, весь существовавший мир. Появляются *прежние*, которые живут вечно и еще помнят былые времена, – тот самый слой интеллигенции, пытающейся «внести свой посильный вклад в восстановление культуры», вспоминая старые названия улиц и ставя памятники поэтам. Появляются *перерожденцы* также помнящие все то, что было разрушено, но уже приспособившиеся к образовавшейся заново действительности, живущие уродливо, цинично ища выгоду в любой ситуации. И, наконец, *голубчики*. По сути те же глуповцы – простой народ, неотъемлемо подчиненный власти (*мурзам*), ловящий *червярей* да мышей для пропитания, рассуждающий о том, что «богатые – они потому богатыми называются, что богато живут», а о причинах этого думать – *своеволие*.

И всегда они будут наказаны, так как «обыватель всегда в чем-нибудь виноват и потому всегда же надлежит на порочную его волю воздействовать» [2, с. 419]. «Воля становится пороком для обывателя», – отмечает М. Е. Салтыков-Щедрин. Человек, идущий против начальства, становится вором и разбойником: «Через месяц Митька уже был бит на площади кнутом и, по положению клейм, *отправлен в Сибирь*, в числе сущих воров и разбойников» [2, с. 308].

Также и в романе Т. Толстой *прежних* сжигают, так как именно они мешают установлению новой власти, сознавая ее невежество, жестокость и лицемерие по отношению к населению – голубчикам.

III. *Характеристика особенности личности и поведения человека.*

В данную группу входит окказиональная лексика, в значении которой преобладающим является коннотативный компонент. Таким образом, можно говорить о непосредственной связи данных лексем с авторской оценкой действительности, доминирующей в «Истории одного города». Следует сказать о том, что эту лексико-семантическую группу можно выделить только в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина: *бесстыжество*;

благопоспешительнейший; благопечительный; всебедствующие; добротщательны; легкодумный; многолюбивый; многомятежный и др.

У Т. Толстой в романе вообще отсутствует данная лексико-семантическая группа. Автор лишь называет своих героев, не описывая их.

IV. Деятельность человека.

Здесь собраны лексемы, текстуальное значение которых базируется на системе оценок субъектов речи. Поскольку главной в романах является авторская оценка, то все окказионализмы имеют ярко выраженную коннотацию.

В романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «элементы градоначальнического естества многочисленны»: это и градоначальническое *единонаграждение*, и градоначальническое *вездепервоприсутствие*. Эти окказиональные словообразования раскрывают тему обезчеловечивания человека, глубоко волновавшую М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Т. Толстая в своем произведении использует звукоподражательные окказионализмы, семантика которых размыта и может быть выявлена преимущественно из контекста: «Идешь по улочке, сразу скажешь: праздник был да веселье: тот на костыликах *клякает*, у того глаз выбит али мордоворот на сторону съехамши» [3, с. 119]. Но это только подчеркивает существенное преобладание авторской оценки в тексте. Если М. Е. Салтыков-Щедрин показывает процесс обезчеловечивания человека путем совершения либо бессмысленных, либо ужасных действий, то Т. Толстая не показывает ничего. Есть только намек на совершение чего-то, но действие как таковое не присутствует. Человек обезчеловечен настолько, что не может совершать осмысленных действий, а лишь *тыкать, мыкать, ныкать, подъялдыкивать*.

Таким образом, в романе «Кысь» мы обнаруживаем окказионализмы, не характеризующие деятельность, а скорее указывающие на бездействие человека. Мир не движется в каком-либо направлении, а стоит на месте, отсюда бессознательный отказ человека от какой-либо деятельности ввиду ее бесполезности.

V. Характеристика действий человека.

Эта группа выделяется только в «Истории одного города»: *вежливенько, бездоимочно, повсеминутно, ежесекундно, благопоспешно, весело-буйственное, центрбежно-центростремительно-неисповедимо-завиральный*.

Отсутствие окказионализмов данной лексико-семантической группы у Т. Толстой можно объяснить тем, что в романе «Кысь» сами действия, как мы уже отмечали, бессознательны. Человек в мире Т. Толстой живет неосознанно, просто потому, что живет, совершая поступки, не понимая их сущности и целенаправленности.

Если в глуповском «перевернутом» мире каждому бы хотелось стать градоначальником, обезчеловеченным человеком, то у Т. Толстой мы видим уже не человека, то есть существо бездействующее.

VI. Характеристика действительности.

Сюда мы отнесли окказиональную лексику, которая, присутствуя на страницах романов, создает общий колорит обстановки в городах Глупове и Федор-Кузьмичске.

Здесь нужно отметить существенное отличие состава данных лексико-семантических групп в романах. В произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина окружающая действительность характеризуется с помощью прилагательных. В выделенном признаке и заложена непосредственная авторская оценка.

У Т. Толстой окружающая реальность опредмечена. Большинство окказионализмов являются существительными и называют предметы в созданном Т. Толстой мире-тексте, где окружающая человека действительность доведена до абсурда. Если у Щедрина мир перевернут и кишит призраками, то Т. Толстая доводит свой мир до крайней степени перевернутости, но не на основе совершаемых действий, а на основе самого непосредственного способа существования людей в доведенном до сумасшествия мире. Поэтому в романе Т. Толстой так же, как и у М. Е. Салтыкова-Щедрина, действительность перевернута и гротескова до крайней степени. Но Т. Толстая лишь называет предметы бытописания, доводя их сущность до абсурда, тогда как М. Е. Салтыков-Щедрин в своем романе главным считал разоблачение зла и лжи.

Т. Толстая, в свою очередь, именуя действительность, просто создает ее, не пытаясь разоблачать и убеждать в чем-либо. Ее задача явно отличается от задачи М. Е. Салтыкова-Щедрина. Создавая постмодернистский мир-текст, она, наполняя его множеством окказионализмов, лишь отсылает нас к уже написанному, классическому, роману с ярко выраженной авторской концепцией – отношению к реальному миру. Поэтому Т. Толстой не нужны определения реалий и предметов. Стоит лишь наводнить текст романа окказиональными названиями, как невольно обращаешься к тому, что уже давно существует.

По этой же причине отсутствует у Т. Толстой в романе окказиональная лексика, которую мы могли бы отнести к лексико-семантической группе «Характеристика деятельности человека». В «Истории одного города» вся деятельность градоначальников в глуповском мире несет негативную оценку автора. М. Е. Салтыков-Щедрин, определяя действия глуповцев окказиональными прилагательными и наречиями, пытается открыть глаза на существующую неграмотность, глупость, порабощение народа, которые он сам не осознает, и чье бессознательное *начальстволюбие*, темнота приводят к появлению глумящихся над ним градоначальников.

В психолингвистических исследованиях по проблемам языковой личности отмечается, что при восприятии мира человек фиксирует аномальные явления как систему отклонения от нормы.

Аномалии в картине мира языковой личности писателя маркируются различными языковыми средствами. В области лексики это, прежде всего, окказиональные образования. Их анализ показал, что в романе Салтыкова-Щедрина они ярко оценочны. Мало того, их семантика чётко и иронично конкретизирована самим автором. В окказиональной лексике проявляется негативное, даже негодующее отношение автора к существующей действительности. Состав окказионализмов четвертой группы показывает процесс обезчеловечивания человека путем совершения либо бессмысленных, либо ужасных действий – «нестеснение, непринесение, нивелляторство, вездепервоприсутствие». В пятой группе, сочетая несочетаемое – «весело-

буйственное, центробежно-центростремительно-неисповедимо-завиральный, вежливыню топить», автор возвращает нас к проблеме «перевернутого» мира. В шестой группе окружающая действительность характеризуется М. Е. Салтыкова-Щедриным с помощью определений. То есть основная масса новообразований в данной группе – прилагательные, которые, как правило, описывают реалии. В этом-то описании и заложена непосредственная авторская оценка – сонно-фантастический (о мире), административно-полицейский (о смысле), административно-воспитательный (о значении), административно-теоретический (о теме), неслыханно-разнообразный (о формах). Поэтому мы вправе сказать, что в романе «История одного города» писатель затрагивает проблемы человека в государстве, а шире – проблемы духовного начала личности и общества. Таким образом, концептуальная система автора полностью находится в области аксиологии, в которой действует так называемый закон концов градационной шкалы аксиологических понятий. Норма находится не на середине шкалы (между *плохо* и *хорошо*), а совпадает с положительной её частью, то есть, норма – это идеал.

Концепт «раздвоенной реальности» в «Истории одного города» попадает под действие законов шкалы: объективная реальность («перевернутый мир») соответствует отрицательному концу шкалы, вторая, «идеальная», реальность находится на положительном конце. Для маркировки данных ненормативных явлений М. Е. Салтыков-Щедрин использует окказиональные образования. Окказионализмы, отражающие лексическое развитие положительного конца шкалы, не представлены. Все выделенные окказионализмы обозначают негативные явления действительности. Это связано с особенностями поэтического мировоззрения писателя. По свидетельству современников, М. Е. Салтыков-Щедрин был сторонником справедливости и законности. Однако в его художественных произведениях мир представлен в «перевернутом» виде: в нём царит «беспредел» власти, беззаконие, зло. Разоблачению этих пороков писатель посвятил всё своё творчество. По убеждению М. Е. Салтыкова-Щедрина, зло в мире многолико. Чтобы показать его многогранность, писатель создаёт различные художественные образы, используя для их номинации большое число окказиональных образований, позволяющих зафиксировать нюансы в авторском восприятии мира.

В творчестве писателя существенная характеристика бытия соотносится с концептом «раздвоенная реальность». С одной стороны, это обыденная реальность, которая представляет собой историю рабства, причём рабское поведение пронизывает все слои общества; с другой стороны – вторая реальность как воплощение идеальных представлений писателя о жизни, в которой истинная демократия и народ, как носитель этой идеи, являются высшими ценностями. Параллельность двух форм жизни пронизывает все уровни «Истории одного города». Отсюда выбран и жанр повествования – «история».

Таким образом, можно говорить о том, что история – это поиск истинного мира в существующем мире призраков, его разоблачение. То есть, перед нами произведение, основывающееся на бинарной оппозиции понятий

«плохо» и «хорошо», «плюса» и «минуса». Поэтому делаем вывод о том, что присутствие автора (его мнения и позиции) в данном тексте однозначно, конкретно и категорично. Он разоблачает, подвергает сомнению, критикует, осуждает, но не остаётся равнодушным. Его взгляд – взгляд не со стороны, а изнутри.

Но этого же нельзя сказать о Т. Толстой. Её взгляд – это взгляд постмодерниста, в чьих глазах культура не творится заново, а воспроизводится в пародийных построениях, её не создают, а с ней, с прежней, играют. Так же, как и М. Е. Салтыков-Щедрин, Т. Толстая создала свою фантазмагорию, наводнила её окказиональной лексикой, но мы не можем говорить о существовании аксиологической шкалы в её романе, потому что в созданном ею мире нет оценки бытия, его познания. Для Т. Толстой как для постмодерниста не существует «раздвоенной реальности», есть просто созданный ею мир – город Фёдор-Кузьмичск, который раньше назывался Сергей-Сергейчск, а уже на глазах читателя переименован в Кудеяр-Кудеярчск, и каждый раз по имени очередного Набольшего Мурзы. При этом ничего не происходит, не меняется. Эта позиция Т. Толстой и отражена через окказиональную лексику в её романе. Используя отглагольные окказиональные существительные *кажимость*, *тревожность*, *беспокой*, которые характеризуют состояние человека в созданном ею мире-тексте и которое считается нормой восприятия действительности для её героев, Т. Толстая нагнетает атмосферу призрачности реальности, тем самым недвусмысленно отсылая нас к яркому противнику призрака государства – М. Е. Салтыкову-Щедрину. Однако она не задаётся целью объяснить ситуацию, так как она мало в чём изменилась. В основе своей что глуповцы, что голубчики – русские люди, *народ* с загадочной душой.

В «Истории одного города» мы наблюдаем движение. Действие в романе идёт по нарастающей. Наивысшей точкой накала становится приход к власти «бесславного идиота», «истинного прохвоста» Угрюм-Бурчеева, который представляет собой уже не человека, а призрак. Он олицетворяет призрак власти, а окказионализмы, характеризующие его самого и его деятельность *вездепервоприсутствие*, *единонаграждение*, *многомыслие*, *нивелляторство*», в свою очередь, используются М. Е. Салтыковым-Щедриним с целью раскрыть античеловеческую сущность градоначальников и как следствие их деятельности – обесчеловеченный народ.

В романе Т. Толстой окказиональная лексика используется не с прямой своей целью охарактеризовать эстетическую систему и специфику картины мира языковой личности автора, а лишь как средство создания мира-текста. Т. Толстая создала мир, придумала свою флору и фауну, историю, географию, границы и соседей (*кохинорцы*), нравы и обычаи населения, песни, игры (*удушилочка*, *поскакалочка*). Достаточно легко выявить цепочку звуковых ассоциаций окказионализма *Кысь*: брысь, рысь, Русь. Та самая Русь, нравы и душа которой загадочны и разгадать которые не по силам никому.

М. Е. Салтыков-Щедрин разоблачает призрак государства, который даже градоначальников привёл к высшей ступени по шкале «обесчеловечивания». То есть и градоначальники являются жертвой. И, придя

к власти, они, естественно, продолжают обезчеловечивать народ. Получается замкнутый круг, из которого, казалось бы, нет выхода.

Этому «перевернутому миру», в котором живут глуповцы, М. Е. Салтыков-Щедрин противопоставляет *реальный мир*, соответствующий идеалам и представлениям писателя. Но всё же сочетание «реальный мир» взято в кавычки, так как он существует лишь в понимании автора романа и дан как идеал, к которому надо стремиться.

Т. Толстая же, согласно философии постмодернистов, создаёт мир не реальный и не идеальный, а просто один мир из множества существующих и имеющих право на существование. Она играет с понятиями «истории», соответственно играет с вторичными жанровыми признаками романа М. Е. Салтыкова-Щедрина, где мы можем говорить об «истории», которая предполагает развитие, оценочность и непосредственно акт познания. О «Кыси» мы можем говорить как о рассказе, не предполагающем оценки и анализа автора. Нет бытия, поэтому нельзя рассуждать о существовании «положительного» и «отрицательного» полюсов аксиологической шкалы.

История города Глупова завершается его гибелью от обрушившегося на него грозного «Оно» – не то ливня, не то смерча. Вот Т. Толстая и даёт продолжение этой глуповской истории, но совершенно неожиданное, так как эта история вовсе не нова. Она описывает мир после Взрыва. Показав этот очередной виток истории, она играет с данным понятием. А средством, с помощью которого производится игра, и стала окказиональная лексика: *котя, червырь, хлебеда, козляки, воробьятки, соловьятки, клеи, грибьиши, курдалясины, курьё, желтуньчики, квасовары, мукомольные, хвощёвники, грибьшатники, перерожденцы, голубчики* – всё это тот же город Глупов, только в другое время, в другом месте, для одного из людей, а точнее, Т. Толстой.

У М. Е. Салтыкова-Щедрина в его романе есть ещё надежда на народ, на него как на силу, способную изменить ход глуповской истории: «Изнурённые, обруганные и уничтоженные, глуповцы, после долгого перерыва, в первый раз вздохнули свободно. Они взглянули друг на друга – и вдруг устыдились. Они не понимали, что именно произошло вокруг них, но чувствовали, что воздух наполняется сквернословием и что далее дышать в этом воздухе невозможно. Была ли у них история, были ли в этой истории моменты, когда они имели возможность проявить свою самостоятельность? – ничего они не помнили... И всё это глушило, грызло, рвало зубами – во имя чего? Грудь захлёстывало кровью, дыханье занимало, лица судорожно искривляло гневом при воспоминании о бесславном идиоте, который с топором в руке пришёл неведомо отколь и с неисповедимою наглостью изрёк смертный приговор прошедшему, настоящему и будущему...» [2, с. 414].

Т. Толстая, в свою очередь, заканчивает роман полной неопределённостью. Нам не ясно, что произошло с *прежними*, которых пытались сжечь. То ли они сгорели, то ли сгорели окружающие их существа: «Так вы не умерли, что ли?.. Или умерли?.. – А понимай как знаешь!..» [3, с. 379].

Такой неопределённости полна семантика окказионализмов в тексте Т. Толстой: лексемы, обозначающие действие человека (*наблякать, клякает,*

кулдыкать, подъялдыкивать, бормоталово, тумпа-тумпа, понадрючить), семантика которых с трудом разъясняется даже в контексте; лексемы, обозначающие предметы окружающего мира (*ржавь, огнецы, бердыши, кукумаколки, боботюкалки, калабашки, курдалясины, закукорки*). Они-то и создают каламбурность, абсурдность придуманного Т. Толстой мира, где авторская позиция скрыта под огромной массой цитат, аллюзий и игрой с языковым наследием русской культуры и истории.

Анализ окказиональной лексики в романе «Кысь» показал отсутствие авторской оценки в произведении. Т. Толстая создаёт абсурдный фантастический мир и показывает его со стороны. Таким образом, мы можем отметить, что роман Т. Толстой – текст, фантастический мир, который живёт лишь в тексте романа. Согласно теории постмодернизма «мир – текст». Существует огромное количество миров: столько, сколько людей, и каждый из них воплощается в слове, печатном или устном. «Кысь» – это мир Т. Толстой, её реальность, которая существует в виде разных текстов внутри одного, общего для них.

Таким образом, в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина окказиональные образования на идеологическом уровне организации художественного произведения представляют доминантные смыслы концептуальной системы писателя (раздвоенная реальность, призрак государства, обезчеловеченный человек), в то время как Т. Толстая использует окказиональные образования не с целью подробной и существенной характеристики бытия, а с целью создания символа, отсылающего читателя через время к мощному, уже существующему пласту классической русской литературы, доминирующей чертой которой было разоблачение пороков общества.

Таким образом, Т. Толстая использует в своем тексте значительный пласт окказиональной лексики не столько с целью создания «эффекта реальности» – избранного ею типа правдоподобия, сколько с целью игры с данной иллюзией, созданной самим автором и обыгранной с читателем, самим текстом и классическим романом «История одного города», путем разрушения механизмов функционирования, построения и смыслонасыщения окказионального слова и слова вообще. Т. Толстая играет с самим понятием иллюзии, которое, являясь по своей природе достаточно прозрачным и аморфным, в ее тексте становится ничем, пустым местом, отсутствием всего, а именно смысла.

Список литературы

1. Пронина, А. В. Наследство цивилизации. О романе Т. Толстой «Кысь» [Текст] / А.В. Пронина // Русская словесность. – 2002. – № 6. – С. 31–36.
2. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений [Текст] : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. Т. 8 : Помпадуры и помпадурши. История одного города. – М. : Художественная литература, 1969. – 618 с.
3. Толстая, Т. Н. Кысь [Текст] / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова., 2002. – 320 с.
4. Шафранская, Э. Ф. Роман Т. Толстой «Кысь» глазами учителя и ученика. Мифологическая концепция романа [Текст] / Э. Ф. Шафранская // Русская словесность. – 2002. – № 1. – С. 36– 40.

**OCCASIONALISMS AS A KEY ELEMENTS OF AUTHOR
CONCEPTOSPHERE RECONSTRUCTION**

I. V. Gladilina, E. G. Usovick

Tver State University
The department of Russian language

This article is dedicated to the problems of ideographic description of lexical-semantic system of the language on the base of analysis of structure and functioning of occasionalism as a conceptual dominant of speech composition those are classical text of «The history of one city» by M. E. Saltykov-Zhshedrin and post-modern novel «Кус» by T. N. Tolstaya.

Key words: *ideography, conceptosphere, illustration, lexical-semantic group, occasionalism*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru